

Песина С.А.

Докторант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат филологических наук, доцент

ИНВАРИАНТ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА В СВЕТЕ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Статья посвящена проблеме инвариантности, являющейся важной в плане возможности постулирования семантической общности значений многозначного слова. Сформулированы критерии идентификации такого содержательного ядра, носящего название «лексический прототип». Практическая часть включает интерпретацию значений английского многозначного слова с позиций когнитивной лингвистики, то есть на основе когнитивных образов.

Проблема инвариантности важна для нас в плане возможности постулирования семантической общности значений многозначного слова, то есть содержательного ядра, цементирующего все его лексико-семантические варианты (ЛСВ). Целью данной статьи является освещение современного состояния проблемы, демонстрация на практическом материале существования более или менее постоянного содержательного ядра многозначного слова, независимого от контекста и функционирующего на уровне языковой системы.

Прежде чем сформулировать наше понимание инварианта, обратимся к его трактовке в лингвистике. Понятие инварианта (от лат. *invarians* «неизменяющийся») пришло в лингвистику из математики, где оно обозначало величину, остающуюся неизменяемой при тех или иных преобразованиях. В лингвистике получило развитие широкое толкование инварианта, первоначально применявшееся к единицам звуковой системы языка. Под инвариантом, как отмечает Е.Г. Беляевская, стали понимать абстрактную единицу языка, обладающую совокупностью черт и основных признаков всех ее конкретных реализаций, рассматриваемых как варианты данной единицы [Беляевская 1987]. В.М. Солнцев определяет инвариант как «то общее, что объективно существует в классе относительно однородных предметов и явлений», как «идеальный объект, который может быть использован для изучения общих свойств данного ряда предметов и любого предмета, входящего в этот ряд» [Солнцев 1977: 214-215]. Инвариант в понимании Н. В. Перцова – это «некоторое свойство языковой единицы, объясняющее ее внешне разнородные частные значения (интерпретации) или тем или иным образом «скрепляющее» эти частные значения, – в соответствии с интуицией носителей и исследователей языка» [Перцов 2001: 47]. Таким образом, понятие инварианта противопоставлено

понятию варианта как конкретной реализации языковой единицы.

Справедливости ради отметим, что существование инвариантов признается не всеми лингвистами. В ряде работ преобладает тенденция подачи инварианта как некой вспомогательной сущности, не имеющей общего языкового статуса. А сторонники списочного подхода считают, что все многообразие контекстных употреблений свести воедино удается довольно редко, и те, кто ставит себе такую задачу, могут решить ее только с помощью очень абстрактного описания, при котором инвариант оказывается настолько далек от каждого из конкретных употреблений языковой единицы, что сама необходимость его введения (не говоря уже о его объяснительных возможностях) становится неочевидной.

По мнению А.П. Чудинова, когнитивная лингвистика не поддерживает инвариантный подход к значению полисеманта, то есть «не признает наличия единого, хотя и очень обобщенного значения <...> Внутренняя структура многозначного слова представляет собой сетевую модель, узлы (значения) которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости; одни из этих компонентов соответствуют всем основным признакам категории (представляют своего рода «лучший образец»), а другие – лишь некоторым признакам. Все названные компоненты объединяются признаками «семейного сходства» [Чудинов 2003: 34-35]. Автор замечает, что не имеет особого смысла также подсчитывать количество ЛСВ многозначного слова, т. к. существующие толковые словари «не могут служить надежным источником сведений о специфике отношений между значениями слова» [Чудинов 2003: 34-35]. Но причина этого, на наш взгляд, не в отсутствии инварианта, а в том факте, что языковая система, на уровне которой функционирует лексический

прототип (ЛП), располагает конечным набором единиц, а речь – вариативна в комбинациях, хотя эта вариативность в большинстве своем не является бесконечной. Именно на уровне высказываний функционируют ЛСВ многозначного слова, которые, как речевые проявления, не могут быть в полном объеме зафиксированы словарями, поскольку речь – это открытая система.

Вообще идея инвариантности достаточно нова. Если до 60-70-х годов XX века она и поднималась, то к ней относились с сомнением. По мнению К.А. Алендорфа, «если внеконтекстное значение многозначного слова определить как его инвариантное значение, которое реализуется различными контекстными значениями, то приходится признать, что в таком «значении» слово никогда не употребляется в речи, и, следовательно, оно не может рассматриваться как языковое явление; если же признать возможность такого «внезыкового» значения, то не ведет ли это к признанию самостоятельно существующих понятий и, таким образом, к идеалистической концепции?» [Алендорф 1965: 67-68]. Но остается открытым вопрос о том, что понимается под «внеконтекстным значением», которое, по мнению К.А. Алендорфа, «более абстрактно, чем его контекстные значения, однако может быть выражено в речи сочетанием соответствующих слов» [там же].

Таким образом, проблема семантического единства многозначного слова оставалась открытой, хотя нельзя не отметить отдельных попыток ее решения. Так, рассматривая проблему многозначного слова, Р.А. Будагов в своих первых работах противопоставлял внеконтекстное значение полисеманта его различным контекстным значениям. В дальнейших работах автор отказывается от термина «внеконтекстное» значение слова и рассматривает различные контекстные значения многозначного слова, выделяя «стержневое значение, вокруг которого как бы группируются добавочные подзначения» или «центральный основной смысл», вокруг которого группируются различные значения. Таким «основным значением» Р.А. Будагов выделяет наиболее распространенное или наиболее употребительное значение многозначного слова [Будагов 1947; 1951].

Ряд исследований, особенно последних лет, свидетельствуют, что введение инвариантного значения считается в принципе допустимым, так как инвариант может существовать в созна-

нии носителя, облегчая человеку восприятие концепта. Хотя многие признают, что не у всякого слова можно обнаружить значение такого уровня абстракции.

По справедливому замечанию Ф.Р. Палмера, исследователям следует искать не многочисленные различия в значениях, а сходство, насколько это возможно. Автор призывает также при определении общности значений к поиску центрального или ядерного значения, поступивая чрезвычайную трудность таких исследований [Palmer, 1982: 48].

Хорошо известны инвариантные теории организации значения, в основе которых лежит тезис о том, что у всякой языковой единицы значение одно, но в зависимости от контекстных употреблений оно трансформируется. Известны также попытки авторов установить связь между значениями слов (семантический мост в теории «смысл-текст» [Мельчук 1999], нетривиальный семантический компонент в Московской семантической школе [Апресян, 1995], модели семантической деривации Е.В. Падучевой [1996] и др.). Так, Ю.Д. Апресян определяет инвариант слова *молния*, когда два значения этого слова (1) «разряд атмосферного электричества» и (2) «срочно выпускаемая стенная газета, посвященная важному событию» связывают общий признак *быстрота* [Апресян 1995: 179]. Как видим, в данном случае инвариант равен одному нетривиальному семантическому компоненту.

По мнению Г.Н. Скляриевской, лексикографы постоянно ищут пути к семантической согласованности, к прозрачности структуры словарной статьи, которая бы демонстрировала мотивированность каждого ЛСВ, его логическую зависимость от предшествующего (в идеале – «вытекание» каждого последующего ЛСВ из предыдущего). «Однако лексикографическое упорядочение, увязывание метафорических значений и оттенков нередко наталкивается на сопротивление материала <...> Основной массив метафорической лексики образуется по другим принципам» [Скляриевская 1993: 50].

Присоединимся к мнению Ф.А. Литвина, который полагает, что в известных нам словарях английского языка задача выявления близости разных значений слова в их описаниях не только не формулируется, но и не предполагается – вероятно, в силу того, что общность разных вариантов слова считается данной, ощущается говорящими интуитивно, тем бо-

лее, что большинство этих словарей рассчитано на владеющих английским языком как родным [Литвин 1984]. Действительно, инварианты существуют для гораздо большего круга единиц, чем это отражается в ряде лингвистических описаний.

В данной работе инвариант понимается как «**абстрактная языковая сущность, включающая совокупность семантических компонентов, которые в одной из своих конфигураций лежат в основе всех или ряда ЛСВ, составляющих семантическую структуру слова в соответствии с интуицией среднего носителя языка**». В данном понимании лексический инвариант – это абстрактная, но все же реальность. Понятие инварианта противопоставлено понятию варианта как конкретной реализации языковой единицы, и данное противопоставление соотносимо с диахотомией языка и речи: инвариант есть единица языка, а вариант – ее конкретная реализация в речи.

Суть подхода, предложенного И.К. Архиповым и развиваемого в данной статье, заключается в определении минимально существенных семантических компонентов слова, содержательного ядра полисеманта. Данный подход носит название «прототипический» и заключается в том, что при построении сложных языковых знаков (дискурса) говорящий опирается на известные ему наиболее общие способы его организации. Например, он знает (помнит) определенные алгоритмы появления комбинаций слов и средств связи между ними и использует их для обеспечения связности высказывания. Он также надеется или уверен, что аналогичными или почти такими же знаниями обладает и его слушатель. При этом говорящий не «подгоняет» некие фиксированные («застывшие») значения, забираемые со «склада» памяти, с тем, чтобы они «совпали» с условиями ситуаций, а «выпускает» звуковые или графические формы знаков, соответствующие формам ЛП, находящихся в его голове, с надеждой или уверенностью, что слушающий сможет восстановить задуманные им смыслы, исходя из ЛП, находящихся в его голове, и в соответствии с ситуациями. При этом мы основываемся на предположении психолингвистов о том, что «...в памяти индивида просто не могут быть дискретно зафиксированы все варианты значений всех известных ему слов» [Брудный 1971: 10]. Системная информация о значениях представлена в ином, более сжатом виде. Со своей стороны, при декодиро-

вании смыслов, привносимых словом, слушающий выводит прямые (расширенные или суженные и т. п.) и переносные значения, «прикладывая» ЛП этого слова к различным ситуациям. При этом он использует принципиально ту же схему вывода значений на базе ЛП, что и говорящий. В функционировании именно интерпретационного, а не механистического механизма заключается действительно творческий характер речемыслительной деятельности, о котором говорят приверженцы разных направлений и школ [Архипов 1998: 15].

Есть все основания использовать термин «прототип» применительно к лексической структуре слова. Прототип обозначает «первонаучальный» и, являясь частью лексикона человека, предшествует всем актуализациям значений в речи. Прототип как содержательное ядро многозначного слова является своего рода стереотипом в рамках обыденного мышления, облегчающим процесс мышления. Следует согласиться с высказанный В.Г. Гаком мыслью о том, что у членов языкового коллектива создаются стереотипные установки, определяющие единобразный способ членить действительность и фиксировать признаки в объектах. «Стереотипы облегчают процесс общения: человек не может самостоятельно перерабатывать все ситуации; в обыденной речи для идентификации достаточно указать на объекты в общем виде» [Гак 1977: 17].

Таким образом, можно сформулировать критерии идентификации ЛП:

- 1) ЛП есть пучок коммуникативно-значимых абстрактных узуальных смыслов;
- 2) ЛП – минимальный пучок интегральных и дифференциальных признаков, которые необходимы для идентификации предмета (понятия);
- 3) признаки ЛП не могут быть выведены один из другого;
- 4) ЛП есть содержательный инвариант всех ЛСВ многозначного слова;
- 5) содержание ЛП определяется на уровне обыденного сознания [Архипов 1998: 16; 2001: 50].

В качестве иллюстрации представленных выше теоретических положений целесообразно предложить анализ английского существительного *veil* «вуаль, накидка», относящегося к лексико-семантическому полю «одежда».

Поскольку процесс осмыслиения и интерпретации ЛСВ многозначного слова осуществляется с позиций когнитивной лингвистики, он предполагает последовательное сопоставление процедур семантического анализа на основе **когнитив-**

ных образов. В отличие от традиционного подхода, когнитивная парадигма позволяет задействовать возможности категории образа в качестве модели анализа ассоциативного способа интерпретации действительности. То есть образ рассматривается в качестве средства экспликации семантического потенциала значения.

Концептуальной базой для образования ЛП является первое **номинативно-непроизводное (НН) значение**, определенное на основе данных 25 толковых словарей (дефиниции которых не могут быть приведены в рамках статьи). Оно имеет следующий вид «**a piece of thin material worn by women over the head or face to protect or hide**».

Значение, передающее понятие о головном уборе монахини ((2) – «the part of a nun's headdress that frames the face and falls over the shoulders» [AHDEL] (*She took the veil when she was twenty*)) является сужением ЛСВ (1). Так как ЛСВ (1) передает понятие о вуали или накидке вообще, не уточняя особенностей, связанных с конфигурацией, материалом и функцией накидки, а также конкретных областей ее применения, целесообразно значение «veil» (2) считать сужением НН значения.

Следующее значение связано с накидкой, которую носят женщины востока, исповедующие ислам. Паранджа несколько отличается от головного убора монахинь по внешнему виду (имеет больший размер и служит не только для того, чтобы накрыть голову, но и полностью покрыть, спрятать женщину): «veil» (3) – «take/adopt the veil» «to decide to wear traditional Muslim clothing» (*The Muslim women were dressed in black veils that covered everything but their eyes*) [CIDE]. По той же причине, что и предыдущее, «veil» (3) следует считать сужением НН значения.

Метонимическим переносом от второго значения (а тем самым и от первого) является *veil* (4) – «the life or vows of a nun» [AHDEL] (*Shortly after taking the veil (after the ceremony of accepting «a piece of thin material worn by women over the head or face to protect or hide» as a symbol of taking vows), sister Catherina moved to India to set up a school for orphans*) [CIDE]. Основой переноса является механизм «предмет – явление, символом которого он является». Название обязательного головного убора используется в качестве символа образа жизни монахинь.

По аналогии с предыдущим механизмом возникает метонимическое значение *veil* (5) – «the system of Islamic countries in which women must

keep their faces covered in public places» [LDCE], которое мотивировано значением «veil» (3), означающим паранджу. В его основе лежит механизм, аналогичный предыдущему, и паранджа становится «визитной карточкой» стран с сильными исламскими традициями.

Подводя промежуточные итоги, отметим, что сужение, а также метонимические значения передают понятия о предметах, ассоциируемых с функцией и/или формой накидки. Следовательно, содержательным ядром данных значений является НН значение.

В приведенных ниже метафорических значениях отражается уподобление предметов – вуали или накидки по внешнему виду и/или функции, то есть это нечто такое же тонкое, полупрозрачное, покрывающее.

– (6) – «a piece of light fabric hung to separate or conceal what is behind it; a curtain» [AHDEL]. В основе данного значения лежит сравнение (по форме и функции) шторки, которая что-либо отделяет и прячет, с вуалью или накидкой. Это значение может быть интерпретировано на основе НН значения следующим образом: a piece of light fabric which hangs (**like a veil** (1) «a piece of thin material worn by women over the head or face to protect or hide») to separate or conceal what is behind it. В основе семантики «veil» (6) выделяем семы «*a piece of thin material*», «*hides*». Исходя из специфики семантики «veil», данная накидка, скорее всего, является полупрозрачной, поэтому необходимо выделить также семы «*semi-transparent*», «*one cannot see clearly through it*».

– (7) – «the inner embryonic membrane of higher vertebrates (especially when covering the head at birth)» [AHDEL]. Значение «внутренняя эмбриональная мембрана, покрывающая голову новорожденного у высших позвоночных» основано на образе вуали (перенос на основе общности внешнего вида и функции). В основе «veil» (7) отметим компоненты «*covering*», «*thin*», «*protective*», «*covers the face or the head*».

– (8) – «a membranous covering or part, as that on the developing fruiting body of certain mushrooms; a velum» [AHDEL]. Значение «мембрана, покрывающая гриб» основано на образе вуали, аналогичным образом покрывающей голову (также верхнюю часть объекта) (перенос на основе общности формы и функции). Семантика «veil» содержит компоненты «*covering*», «*thin*», «*for the top part*».

Следующие метафорические значения носят абстрактный характер. Имея дело с подоб-

ными понятиями, человеку свойственно вводить в свои рассуждения элементы наглядности, конструируя для этой цели некоторые представления и модели абстрактных предметов:

– (9) – «veil of mist/cloud/evening light etc» – «a thin layer of mist, cloud etc that covers something so that you cannot see it clearly» [LDCE] (*Everything was wrapped in a veil of evening light*). В основе данного значения лежит сравнение внешнего вида дымки тумана, облака или вечернего света с внешним видом и функцией вуали или накидки. При этом ядерные компоненты НН значения присутствуют в этом ЛСВ как неотъемлемый фон перехода к переносному значению «дымка тумана, облака, похожая на покрывающую и прячущую вуаль, через которую, хотя и смутно, но видно». Семантика «veil» основана на компонентах «covering», «semi-transparent», «one cannot see clearly through it», «hides», «makes something difficult to perceive». Последний компонент является существенным для семантики этого ЛСВ, его необходимо выделить при когнитивном осмыслинии последнего с опорой на образ. Он потенциально содержится в НН значении, но не выделен словарями, поскольку не составляет его сильный импликационал, в отличие от компонента «semi-transparent», входящего в сильный импликационал «veil».

– (10) – «veil of deceit/silence etc» – «something that stops you knowing the full truth about a situation» (*I think we should draw a veil over this conversation.*) [CIDE]. В основе данного значения лежит уподобление вуали по форме и функции лжи или тишины. Последние, как и вуаль, могут окутывать и прятать, препятствуя процессу коммуникации. Семантика «veil» основана на компонентах «covering», «one cannot see clearly through it», «hides», «makes something difficult to perceive».

Содержание следующего значения носит максимально абстрактный характер: (11) – «**something** that conceals, separates, or screens» [AHDEL]. Данное метафорическое значение предполагает широкий круг референтов, подходящих под понятие об укрытии. Семантические компоненты, лежащие в основе данного ЛСВ («covering», «semi-transparent», «one cannot see clearly through it», «hides», «makes something difficult to perceive»), носят неопределенный характер, так как опираются на сравнение с вуалью того, что может скрывать. Данные компоненты весьма отдаленно напоминают такую часть женской одежды, как вуаль или накидка, то есть в процессе метафоризации используют-

ся лишь самые общие черты подобия НН значению. Но эти черты подобия, даже будучи неопределенными, должны обязательно учитываться, поскольку без них у переносного значения не может быть статуса производного.

Выделенные компоненты удачно покрывают денотаты, обозначаемые всеми ЛСВ «veil», в том числе и НН значение. Это дает основания для включения их в формулировку лексического прототипа, который имеет формулу ННЗ + «something like a veil»: «**a piece of thin material worn by women to cover the face or head to protect and hide or something like a veil (a semi-transparent thin covering (often for the top part) through which one cannot see clearly, which can hide or make something difficult to perceive)**». Выделенный ЛП обеспечивает внутрисловное единство. Отсюда все индивидуальное, не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не найдя внутри себя отклика, то есть не соотносясь с ДЛП, исчезает за редким исключением.

В соответствии с подходом И.К. Архипова, первая часть лексического прототипа, совпадающая с НН значением, является «ближайшим» лексическим прототипом (БЛП), то есть именно тем значением, которое, очевидно, приходит в голову носителю языка в первую очередь как элемент базисного уровня при осмыслинии понятия вуали. А весь ЛП носит название « дальнейшего» ЛП (ДЛП) и включает, как можно видеть, более абстрактные компоненты, являясь результатом осмыслиния всех ЛСВ слова на новом, более высоком уровне абстракции [Архипов 2001].

Как показали исследования, в ЛП заложена программа для всех (или почти всех) частных ЛСВ слова, и, наоборот, в любом варианте есть намек на модель, ее отличительные признаки; ЛП управляет процессом семиозиса метафорических значений; сигнализатором функционирования в основе значений пучка абстрактных признаков (ЛП) является наличие в структуре многозначного слова значения общего характера «*something resembling...*»; ЛП имеет не декларативную, а динамическую, точнее, процедурную природу: процесс актуализации говорящим значений представляется как последовательная сборка все более сложных структур из интегральных и дифференциальных компонентов на основе ЛП. Причем ЛП-инвариант затруднительно выделить у слов широкой семантики, т. к. в случае широкозначности мы

имеем дело с абстракцией более высокого порядка, с некоторой аморфностью понятийной основы и отсутствием четкой референтной отнесенности.

Как константа, обеспечивающая целостное представление о слове на уровне языка, ЛП все же не является застывшим образованием, он достаточно **динамичен**. Активная роль ЛП в процессе функционирования языка выражается в том, что он актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими ЛП (в случае связных словосочетаний) и отталкивается от них. В речевом проявлении, то есть в рамках каждого ЛСВ, ЛП выступает с разным набором прототипических компонентов (варьируются дифференциальные компоненты). Кроме того, со временем вступают в силу образовательные, социальные, возрастные, политические и другие факторы, и меняется сам ЛП.

Формирование ДЛП может идти разными путями. Но в качестве константной части он включает БЛП, лежащий в основе метонимических значений. Память же о метафорических значениях заставляет дополнить БЛП до ДЛП компонентом «or something like veil (1)».

Включение БЛП обязательно, так как буквальное значение является ключом к осмыслинию метафоры, и степень понимания и интерпретации метафоры зависит прежде всего от осмыслиния прямого значения и его взаимодействия с контекстом (речевым и языковым). Переносное значение можно идентифицировать только при наличии (подразумеваемого, имплицитно присутствующего) ННЗ, равного БЛП, поскольку метонимические или метафорические значения являются производными, и это становится ясно только при сопоставлении с мотивирующим значением [Архипов 2001].

В соответствии с когнитивным подходом, данный анализ основан на принципах, которые предусматривают участие **Наблюдателя** (Viewer или Conceptualizer) в процессе познания [Langacker 1988]. В данном случае учитывается тот зрительный образ, который, как можно предположить, видел Наблюдатель. В процессе номинации названий мембранны гриба, вуали вечера и т. д. в полном соответствии с антропоцентрическими стереотипами и наивной картиной мира Наблюдатель опирается на визуальный образ вуали. Причем когнитивный подход учитывает тот факт, что на основе онтологии мира в этой «картинке» или образе

могут быть представлены любые признаки, важные и выделенные (salient) с точки зрения Наблюдателя.

В заключение следует отметить, что использование предложенного прототипического подхода к изучению лексического значения представляется целесообразным для исследования альтернативных механизмов формирования семантической структуры слова. Определение лексических прототипов с использованием анализа на основе нетривиальных семантических компонентов позволяет выявлять когнитивные структуры, лежащие в основе семантических изменений, и с относительной точностью моделировать процессы, приводящие к развитию многозначности, а также служить критерием различия полисемии и омонимии. А исследование в рамках когнитивной парадигмы проблем порождения, усвоения и хранения многозначных единиц в ментальном пространстве, их функционирование в ментальном лексиконе может приблизить исследователей к разгадке тайн организации, динамики развития и функционирования всей когнитивной системы.

Подобный анализ имеет также практическую значимость, он может проводиться в лингводидактических целях при обучении иностранному языку. Практическая значимость определяется несколькими моментами. Во-первых, при идентификации иноязычного фразеологизма индивид осознанно или непроизвольно опирается на значения составляющих фразеологическую единицу компонентов, опознаваемых как слова свободного употребления [Залевская 2000]. Во-вторых, в процессе номинации такие значения как «veil of deceit/silence etc», вполне согласующиеся с антропоцентрическим видением мира, создают трудности, скажем, для русскоязычного студента, строящего фразу на иностранном языке. Обучающиеся часто не в состоянии правильно угадать, что «делает» тот или иной предмет в данном языке, если согласно русскому видению, то есть реальностям и мифам категоризации русского языка, он выглядит или ведет себя «как вуаль». Существующие англо-русские и английские толковые словари, к сожалению, не проясняют ситуацию. Напротив, они дают противоречивую информацию, из которой следует, что, хотя указанное существительное и означает «накидку/вуаль как часть атрибута одежды», оно иногда имеет такие значения, как «вуаль лжи» или «вуаль тишины» и т. д.

Для решения этих проблем словари, по мнению И.К. Архипова, могли бы оказать существенную практическую помощь изучающим язык при переводе, давая информацию о диапазоне актуальности внутренней формы слова. В качестве отправной точки и стержня внутренней формы можно было бы привести ЛП, которые есть основания рассматривать как содержание лексем (вокабул) и поставить в начале словарных статей. В таком случае словарная статья могла бы также включать три группы иллюстраций значений, демонстрирующих 1) полное соответствие ЛСВ внутренней форме (ВФ) слова (*уровень БЛП*); 2) переносы на основе ВФ, включая фразеологизмы (*уровень БЛП*) и 3) (постепенное) удаление от образа ВФ (*уровень ДЛП*) [Архипов 2001].

В заключение следует привести цитату из многочисленных работ приверженца поиска инвариантного в семантике слов – Н.В. Перцова: «неконтролируемое со стороны инварианта дробление [значений слова. – С.П.] представляет собой определенную опасность, заводя исследователя и читателя в непроходимые дебри лексикографического кустарника, <...> где за многочисленными деревьями частных значений можно не увидеть леса лексического единства слова» [Перцов 2001: 43]. Существование ЛП, очевидно, снижает такую опасность. Единство частных интерпретаций, обеспечиваемое общими смысловыми компонентами, представляет собой конструкт, наиболее удобный для языковой интуиции носителя языка и для лингвистического сознания исследователя.

Список использованной литературы:

1. Алendorф К.А. Значение и изменение значений слов // Ученые записки МГПИИ им. М. Тореза. Т. 32. – М.: МГПИИ, 1965. – С. 3-172.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Т. 1. – М.: «Языки русской культуры», 1995. – 436 с.
3. Архипов И.К. Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – СПб: Studia Linguistica 6, 1998. – С. 5-22.
4. Архипов И.К. Когнитивный и логический анализ в лексикографической практике // Человеческий фактор в языке. Учебно-методическое пособие (Материалы к спецкурсу). – СПб, 2001. – 110 с.
5. Беляевская Е.Г. Семантика слова. – М.: Высш. шк., 1987. – 128 с.
6. Брудный А.А. Значение слова и технология противопоставления // Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971. – С. 78-93.
7. Будагов Р.А. Слово и его значение. М.: Наука, 1947.
8. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Наука, 1977. – 266 с.
9. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке. – М.: Высш. шк., 1984.
10. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ-ТЕКСТ». – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 346 с.
11. Падучева Е.В. Сематические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
12. Палмер Ф.Р. Семантика (Очерк) = Palmer F.R. Semantics // A new outline / Предисл. и comment. М. В. Никитина. – М.: Высш. школа, 1982. – 111 с.
13. Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 280 с.
14. Скляриевская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб: Наука, 1993.
15. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М., 1977.
16. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Моно-графия. – Екатеринбург, 2003. – 238 с.
17. Langacker R.W. An overview of cognitive grammar // B. Rudsko-Ostyn (ed.). Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1988. P. 3-48.

Использованные словари

1. [AHDEL] – The American Heritage Dictionary of the English Language. – Houghton Mifflin, 1970. – 1550 P.
2. [CIDE] – Cambridge International Dictionary of English Language. – Cambridge University Press, 1995. – 1773 P.
3. [LDCE] – Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow, Longman group Ltd, 1995. 1229 – P.